

ходства и таит в себе угрозу конфликтов и разного рода агрессивных действий. Не случайно доля неприязненно реагирующих на представителей других культур в основном совпадает с удельным весом россиян, считающих возможным возникновение в их городе, регионе межнациональных конфликтов (в среднем 30%)¹⁹.

Исходя из всего сказанного выше, вряд ли можно согласиться с мнением, что «несмотря на различия во внешних проявлениях, основные чувства и эмоции, которые испытывают люди, не меняются от культуры к культуре»²⁰. На наш взгляд, не просто проявления, но причины, вызывающие в определенных ситуациях конкретные чувства, могут быть различны, причем основаны на отличиях не только между культурами, но и в индивидуальном опыте. Именно этот момент делает общение людей в рамках одной культуры не тавтологичным и в то же время дает возможность через обогащение личного опыта многих индивидов достичь взаимопонимания представителей разных культур.

¹⁹ Рукавишников В.О. и др. Социальная напряженность: диагноз и прогноз // Социол. исслед. 1992, № 3.

²⁰ Lynn T.V. Intercultural Interacting. David M.Kennedy Center for International Studies, Brigham Young University, 1987. P. 13.

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Рубрика «Классическое наследие» продолжает знакомить читателя с работами Б.Малиновского. В этом номере представлен отрывок из книги «Свобода и цивилизация», написанной в годы Второй мировой войны. Антропологический анализ свободы как понятия и феномена человеческой цивилизации и, в каком-то смысле, условия существования культуры, кажется очень современным, особенно для России на рубеже XX–XXI веков.

Л.А.Мостова

БРОНИСЛАВ МАЛИНОВСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ*

Изучение природы свободы и ее связи с природой человека и культурой отнюдь не излишни сегодня для борющейся демократии. Мы втянуты в войну против такой страшной угрозы свободе, с какой человечество еще не сталкивалось. Мы боремся за свободу. Но понимаем ли мы, что это такое, знаем ли ей цену и осознаем ли, что в действительности — это основа нашей цивилизационной жизни? Вокруг нас множество величественных лозунгов, некоторые из них истинны и значительны. Мы знаем, что ведем «битву свободных народов против рабства»; мы слышим, что это «борьба за свободу»; нас официально убеждают, что эта война завершится прочным и непоколебимым утверждением «четырех свобод». Однако за этими словами не всегда можно обнаружить реальное их понимание. Гораздо чаще мы понимаем, что надо воевать и побеждать только потому, что на эту страну напали. Некоторые ищут «нового порядка», чтобы противостоять Гитлеру. Не все понимают, что Новые Волны Будущего, в сущности, нужны только сторонникам нацизма. При нашей демократической неготовности к вой-

* Malinowski, Bronislaw. Political Prelude // Freedom and Civilization. NY, 1943. P. 3–29.

Малиновский Бронислав Каспар (1884–1942) — известный британский социальный антрополог и социолог, один из основателей функционализма.

не мы не сумели мобилизоваться духовно. Наша неготовность к войне естественна, потому что демократия — это отказ от войны, отказ от готовности к ней. Тотальная война — это наиболее существенное отрицание всего того, что, с точки зрения демократии, считается истинным, подлинным и ценным.

Нам следует понять, действительно ли наш Старый порядок не способен дать нам убеждения — такие же твердые, веру — такую же динамичную, как убеждения и вера тоталитарной доктрины, несмотря на всю ее фальшивость. При нашей демократии мы живем истинами и верой, древними как человечество. Мы привержены к ценностям, на основе которых человечество начало свое культурное развитие и достигло своего современного уровня. Среди этих ценностей свобода, справедливые отношения, подчинение договорам и законам занимали почетное место. Во всех своих поисках новых принципов знания, новых средств и форм социальной организации, человек — и примитивный, и идущий по пути прогресса — всегда руководствовался свободой порядка, инициативы и успеха. Таков Старый порядок человеческой эволюции, порядок, который мы все еще соблюдаем при нашем демократическом образе жизни. При таком порядке мир и его постоянная основа всегда ассоциировались с действительно продуктивной фазой эволюции и истории. При этом порядке отличия между обществом и индивидом проявлялись не в виде конфликта или противостояния, при которых один из двух должен быть подавлен, а в виде добровольных взаимоотношений по принципу «дай — возьми». При этом порядке подчинение правилу, закону и нравственному принципу означало не кабалу, а просвещенную заинтересованность и способность к самовыражению.

В наше время умудренности и релятивизма долг антрополога — вновь заявить и утверждать о существовании определенных ценностей и принципов, без которых невозможен сам процесс поддержания и развития культуры. Такие принципы должны быть внедрены в коллективную убежденность, которая является основой нашей воли к победе в этой войне — в убежденность, которую с учетом тактики Пятой колонны наших врагов, мы должны поддерживать в себе с неослабной бдительностью. Убежденность в том, что свобода, справедливость и демократия — это наилучшие условия для здорового развития культуры — должны стать частью того мира, создание которого также важно, как и победа в войне. Этот мир должен иметь постоянную гарантию всех

наших социальных и нравственных ценностей, среди которых свобода — самая важная ценность.

7 декабря 1941 года произошло событие, которое втянуло в войну США: предательское, заранее запланированное и хорошо подготовленное нападение на Перл-Харбор; одновременная атака на Малайях, Филиппинах и Гонконге сделала эту дату, как сказал президент Рузвельт, позорной для Японии и стран Оси. Эта дата особенно высветила разницу между агрессорами и теми, кто ответствен за развязывание войны, потому что они готовились к ней.

Эта дата одновременно и важна, и трагична для США, для Британской империи и Нидерландов, если делать верные выводы и извлечь правильные уроки. Первый и наиболее важный урок, содержащийся в словах «Помни Перл-Харбор!» — означает, что готовность всегда побеждает. Этот урок действительно означает, что если мы не готовимся к миру после победы и не подготовимся достаточно эффективно, чтобы сделать будущие войны невозможными, мы должны будем всюду готовиться к войне — то есть, мы будем вынуждены убить демократию во всем мире. Это причина того, почему события, перечисленные здесь, так глубоко будут влиять на предмет данного исследования.

В нашем мире технической сверхэффективности стремление к готовности непреодолимо.

Давайте посмотрим на факты. В Перл-Харбор, Гонконге и вокруг Сингапура имело место столкновение четырех сильнейших стран мира с относительно небольшой, истощенной и экономически бедной страной. И все же Япония смогла в первом раунде побить своих сильнейших врагов по всем статьям и во всех сражениях. Население Китая, Британской Империи, Соединенных Штатов и Голландской Восточной Индии составляло более миллиарда человек, им принадлежало три четверти всех мировых экономических ресурсов и более половины валового национального продукта в мире. Японцы же составляли всего одну десятую часть населения своего противника, а что касается ее экономического потенциала, технической и экономической эффективности — они не идут ни в какое сравнение. И все же именно потому, что война — дело краткосрочное, готовность к ней, агрессивность, инициатива и даже предательство могут победить и побеждают.

То, что мы понимаем как предательство с точки зрения агрессора — это выбор времени удара, места удара и жестокий, безжалостный удар с одновременным целенаправленным ослаблением противника и

усыплением в нем чувства опасности. Все это — грязные методы с точки зрения любой порядочной, нормальной политики демократического характера, когда соблюдаются соглашения, обязательства и принципы. Но поскольку были допущены принципы современного ведения войны — такие, как безудержная гонка вооружения, свобода лживой пропаганды и создание Пятой колонны, так называемый баланс сил, то есть международная анархия — становится очевидным, что в таком мире и для тех, кто его одобрил, японский способ победы в войне есть ни что иное, как «мудрая стратегия» и «эффективная тактика». Все это относится и к действиям Германии и Италии с самого начала этой войны.

Таким образом, если на следующем заседании за мирным круглым столом победоносные демократии оставят мир в состоянии международного хаоса и еще раз позволят расцвести принципу готовности к войне, тогда сами демократии окажутся перед выбором — либо готовность, либо гибель. Мы можем снова начать экспериментировать в сфере суперизоляции. Великобритания может снова попытаться поверить в существование Ла-Манша и подкреплять эту веру, стараясь воздвигнуть линию Мажино в воздухе. Соединенные Штаты, выстраивая более или менее реальные барьеры на Атлантическом и Тихом океанах, могут снова вернуться к оборонительной политике, политике изоляционизма. В следующей войне любая демократия, несмотря ни на какую изоляцию, будет побита, разрушена и порабощена в самом начале нового, более широкого и лучше подготовленного блицкрига.

Чтобы понять это, достаточно сравнить события 1941 и 1914 гг. Лучший ли выход для любой и, прежде всего, великой, миролюбивой, свободолюбивой демократической страны — готовность к войне? Очевидно, что готовность к войне сегодня может быть осуществлена лишь с помощью полного и окончательного принятия принципа тоталитарной системы. Страна, которая не мобилизует все лучшие ресурсы, все свое богатство и духовные ресурсы, никогда не будет готова к войне. Готовность к войне сегодня означает полную, решительную, безоговорочную подготовку людей, их тела и души, ума, сознания и убеждений — к войне. Это также означает развитие у нации духа агрессивности, грубости, жестокости и презрения к закону, к договоренности, к обязательности.

Итак, если мы не установим некоторые неперемные гарантии свободы, закона и честности в международных отношениях и если мы сохраним убеждение, что война — это единственный инструмент международной политики, то это будет означать, что мы останемся на пе-

ресечении двух воистину деструктивных альтернатив. Демократические страны должны будут выбирать между этими альтернативами — либо погибать под мечом своих врагов, либо погибать от приготовления собственного оружия обороны. Создавая свою готовность к войне, эти страны должны будут подписать собственный смертный приговор как демократии, как свободным, добропорядочным людям.

Однако есть и третий путь — путь, который ведет к свободному демократическому миру, к содружеству Объединенных наций, цель которого — обеспечить прочный мир. Идея, воплощенная в планах Уилсона по созданию действительно эффективной Лиги Наций — не утопия. Это вполне выполнимый план, он означает всего лишь установление международного закона и порядка в отношениях между странами, которые сегодня превратились в единое взаимозависимое целое.

В предлагаемом читателю анализе свободы мы показываем, что эта нравственная, юридическая, политическая и культурная реальность всегда должна рассматриваться как единое сообщество, живущее в системе закона и порядка. В человеческой эволюции понятие «свобода» впервые встречается уже во времена родового строя. Через войны, исторические превращения, завоевания и распространение культур постепенно расширяется та социальная единица, в отношении к которой и может быть определена свобода и в которой она либо расцветает, либо ограничивается. Мы покажем, что политическая организация, то есть главная система законодательной, юридической, административной и военной власти, должна руководствоваться реальными общими интересами.

В данной стадии развития человечества мир в целом объединен системой общих интересов и взаимозависимости одной нации от другой и всех наций — от каждой в отдельности. Эта общность интересов является политической в том смысле, что войны и межнациональные споры невозможно локализовать. Она является экономической в том смысле, что сырье, как и промышленные товары, должно иметь один большой мировой рынок, иначе у нас будет вечная война с безработицей, депрессиями и кризисами во всем мире. По вопросам здравоохранения и технологии, науки и преступности мир одинаково взаимозависим. Инфекционные заболевания, преступность, развращение нравов, ложь — распространены по всему миру. Все это означает, что мы должны работать над предотвращением «локальных инцидентов» и против развязывания войн. Если демократические страны совместно борются

за что-то, то, прежде всего, они должны бороться за окончательный запрет войн и перестройку жизни всего человечества на основе ряда пересмотренных здравых принципов Уилсона.

Старая уилсоновская Лига Наций оказалась несостоятельной, потому что она не была универсальной, не обладала законодательной силой и механизмом реализации своих решений. Новая Лига должна обладать полной законодательной властью в области международных отношений, а ее законы и административные решения должны быть санкционированы на основе силы. Главной задачей Лиги мог бы быть отказ от идеи готовности к войне, а также эффективность разрешения любых случаев конфликтов между народами. Она решала бы все те международные проблемы, которые требуют централизованного контроля. Новая Лига должна была бы прежде всего выработать необходимую политическую, экономическую и нравственную модель, обеспечив себя гибкими законодательными механизмами, основанными на взвешенном и свободном обсуждении, которые позволили бы осуществлять мирные изменения путем добровольных взаимных договоренностей.

Создание такой политической организации на мировом уровне потребует больших жертв со стороны каждого участвующего в Лиге общества. Однако эти жертвы не столь велики, как часто утверждают противники мирового порядка. Фундаментальные проблемы затрагиваются нами при анализе того, от чего мы должны будем отказаться, если пойдем по пути мира, и того, что мы потеряем (зная об этом), если за столом переговоров выработаем такой договор, который обязательно будет порождать новые войны. Мы будем обсуждать принципы, косвенно выраженные в этом плане. Покажем, что основные кризисы в культуре представляют собой опасные противоречия на пути свободы, демократии и стремления к счастью. Отсутствие той свободы, которую может гарантировать только порядок в международных отношениях, должно неизбежно привести к отсутствию свободы и в жизни отдельной нации при современном уровне развития техники и средств контроля, насилия и разрушения. Только путем предотвращения войн с помощью реорганизации международной жизни мы можем упрочить свободу на здоровых началах и уничтожить любое искушение, любое оправдание, любую возможность проникновения тоталитарных методов управления в конституцию этой страны и всех других стран.

Но есть еще одно-два замечания в связи с нашим девизом «Помни Перл-Харбор!» Все мы объединены одним стремлением вести войну

до победного конца. Однако такая внешняя солидарность в практическом и прагматическом стремлении, видимо, затемняет существенное расхождение мнений, чувств и целей относительно конечного результата и, прежде всего, относительно окончания нынешней борьбы. На эту страну напали, и все согласны с тем, что она должна быть защищена. Но вот вопрос: «За что мы боремся?», «Какой новый порядок в мире мы хотим установить?» — и ответы, безусловно, будут ясными и единодушными. Я утверждаю, что внешнее единодушие с подспудными течениями различий во мнениях, идеалах и целях содержит огромную опасность.

Прежде всего существует серьезная опасность, связанная с трагической ролью демократии, которую заставили заниматься самым антидемократическим делом в гигантском масштабе — тотальной войной. Все войны — гражданские и международные — все революции, особенно осуществленные путем насилия, как показывает история, искушают нации и народы идти по пути империализма, диктаторства, новых военных авантюр. Насилие порождает ненависть одного класса по отношению к другому, одной нации по отношению ко многим другим. Техника насилия дает прецедент и порождает антидемократическую мораль с помощью примеров ее эффективности. Потому что, если мы однажды прибегнем к насилию, то поймем, что жестокость, быстрые решения, полная субординация и дисциплина, подчинение командам сверху в данный момент сработают более эффективно, чем обращение к общественному мнению, голосованию или к сознанию или мнению отдельного человека либо группы.

Таким образом, война, ведущаяся в таких огромных масштабах и проникающая во все сферы человеческой жизни как война тотальная, неизбежно может породить и порождает в нашем собственном обществе те самые силы, против которых мы боремся. Эта опасность тем более страшна, что она неизбежна. Это та самая опасность, о которой предупреждали вчерашние изоляционисты. Это важная полуправда и как таковая она может привести к очень опасным результатам, особенно тогда, когда здравое и просвещенное мнение нашей страны может определить либо исказить ту единственную цель, ради которой только и стоит бороться — а именно: установление вечного мира. Такая позиция будет полностью обоснована последующими аргументами. Мы увидим, что все происходящее — это всего лишь временная капитуляция свободы. Коллективная акция вроде современной войны, происходя-

шая в тотальном масштабе, должна различными путями настолько эффективно уничтожить свободу, как и лень, предательство, бесчестность, дезертирство.

Это не значит, что мы должны подчиняться требованию и приказам иностранного диктатора, поскольку война частично и временно приводит к отказу от свободы у себя дома. Мы не станем рабами Гитлера ни добровольно, ни сдавшись ему, потому что мы даже временно боимся отказаться от нашей собственной, нами выбранной дисциплины. Отсюда мораль: мы должны быть готовы к полному проявлению свободы, когда свобода снова сможет и должна будет проявиться. Поскольку война означает временное рабство, которое она осуществляет, и если тоталитаризм победит на поле брани или в принципе, то война может означать всемирное рабство как ее вечный итог, следовательно, нам нужно сделать правильные выводы: запретить войну раз и навсегда; настаивать на том, чтобы «Америка была первой страной», которая поведет за собой содружество Наций по пути к вечному миру.

Практический совет, содержащийся в этих аргументах, заключается в том, что пока идут военные действия, необходимо разработать компенсаторные механизмы свободной дискуссии и планирования. Для этого могут особо пригодиться ученые, специалисты, которые могли бы, например, свободно и беспрепятственно работать в этом направлении. Есть множество проблем в подготовке к миру, которые сейчас трудно обсуждать с теми, кто непосредственно занят общественными делами. Один из наиболее трудных вопросов возникает в связи с тем, что государство, которое воюет на нашей стороне, которое воюет храбро и эффективно — это Россия, народ, к которому мы одновременно испытываем и благодарность, и восхищение, но именно этим народом управляет такая система, которую при всем желании выразиться мягче, вежливее и примирительнее, нельзя определить как демократическую. Академический ученый может выразить надежду либо на то, что нынешние руководители России изменят метод, которым они сегодня управляют своим народом, либо что народы России сами изменят эту систему на другую, не чреватую опасностью тоталитаризма. Но такая надежда не может быть высказана публично и слишком громко официальными лицами.

Итак, в нынешних условиях необходим комитет или много комитетов бдительности, в которых должен будет культивироваться демократический тип мышления и сознания. Эти комитеты должны будут следить за явными источниками опасности, возникающими в данный

момент. Даже у совместно борющихся демократических стран существует опасность, заключающаяся в выборе средств для скорейшего достижения цели, то есть опасность установления империализма и тоталитарных методов правления, возникшая от импульса нынешней войны. Существует также опасность потерять из виду нашу конечную цель: вести войну за прекращение войны. Существует и опасность нравственного и интеллектуального истощения.

После войны мы должны будем снова осознать, что дисциплину следует уравнивать возрождением свободы — то есть допущением неограничиваемой инициативы, критицизма и даже расхождения во мнениях. Вера в ценности иерархии должна будет уступить место вере в равенство людей. Такие методы, как секретность, цензура, плановое решение Генерального штаба должны будут уступить место открытым дискуссиям. Достаточно вспомнить, что случилось в Англии и Америке, во Франции и фактически во всей остальной Европе после окончания Первой мировой войны, чтобы понять, насколько опасным может стать процесс духовной демобилизации. Волны страстей, ослабление воли, особенно нравственной воли, антипатия к планированию — поскольку военное планирование стало нестерпимо раздражающим — все это может подорвать последовательное, целенаправленное стремление к достижению реальных плодов победы. Под этим я имею в виду, естественно, стремление к достижению длительного мира. Новый изоляционизм и новая империалистическая алчность во всех победивших сообществах — это естественный результат послевоенной апатии. Поэтому нам следует сосредоточиться на послевоенном планировании, особенно тем из нас, кто может сделать немалый вклад в дело победы путем прямого физического участия в войне.

Само определение и анализ свободы, предпринятые в данной работе, убеждают нас в том, что формулировка цели, знание результатов, подчинение средств целям — именно в этом заключается сущность всех свобод. В настоящих условиях вполне возможно создать такие культурные механизмы, которые будут связаны с будущим планированием, с долгосрочной политикой, с ничем не ограниченной дискуссией, которая не будет мешать практическим делам, а будет создавать компенсирующий форум сознания и мысли, необходимые для нейтрализации последствий войны.

С чисто интеллектуальных позиций, наиболее важным для академических ученых является уяснение возникших проблем. Следовательно,

но, нам необходимо изучить такие концепции, как «демократия», «свобода», значение цели и цивилизации, «американский путь» и «стремление к счастью». Мы должны показать реальности, соответствующие этим словам. Потому что в нынешней ситуации существует одна большая опасность — опасность инфляции идеалов и презрения к идеям, того презрения, которое рождается от чрезмерной фамильярности. Такие слова как демократия и свобода уже превратились в лозунги дня, постоянно произносимые теми, кто в них верит, и теми, кто вынужден их принимать под давлением обстоятельств. За духовной основой общественного мнения необходимо следить с той же неизменной бдительностью, с какой мы следим за физической основой нашей национальной обороны. Итак, «башня из слоновой кости», в которой возможны беспристрастные дискуссии, в которой нам еще позволяют четко мыслить, честно размышлять и честно стоять перед фактами — имеет свою определенную ценность в современном воюющем мире.

Было бы также важно, чтобы в таких дискуссиях участвовали не только те из нас, кто уже верит в правду и справедливость нашего дела. Тем, кто сомневается, кто не уверен, даже те, кто смело и честно верит в наличие ценных качеств и в фашизме, нацизме и коммунистическом тоталитаризме, и в других «волнах будущего» — им также следует позволить участвовать с полным правом гражданина. Я лично откровенно верю в то, что факты и принципы свидетельствуют в пользу тех, кто уверен в справедливости решения нашей нации, то есть в том, что национальная политика нашей страны правильна, и я верю в это не только чувствами, но и в свете беспристрастной научной истины. Я глубоко убежден, что Соединенные Штаты Америки, Великобритания и их союзники борются за свою свободу, за свободу других народов и за свободу человечества в целом. Однако эта борьба может снова оказаться бесполезной, если конечная цель борьбы свободных народов не воплотится в полностью сформированную организацию человечества во имя мира и свободы. Поэтому я бы хотел пригласить людей высказать и противоположное мнение. Открытая и откровенная дискуссия предпочтительнее скрытых, тайных интриг.

Лично я верю, что война и тоталитаризм несовместимы со свободой и с конструктивным развитием культуры. Я также верю, что без свободы и демократии цивилизация не выживет, тем более не будет развиваться. Отсюда и моя уверенность в том, что борьба за демократию и всемирная поддержка демократических принципов в националь-

ных и межнациональных делах — это минимальные условия свободы, то есть, минимальные условия для выживания и развития человеческой цивилизации.

Аргументы, изложенные на страницах этой книги¹, касаются того, что такое свобода как атрибут культурного процесса. Вполне возможно дать четкое научное определение свободы и это определение позволяет решать многие более широкие и даже политические вопросы, связанные с данной концепцией; это определение свободы может быть корректно и, безусловно, применено к решению самых острых вопросов современной ситуации в мире. Хотя политическая свобода — это не единственный вид свободы в культуре, однако, ее отсутствие нарушает все другие демократические свободы; и в настоящее время борьба за свободу — это фактически борьба между двумя принципами — демократией и тоталитаризмом. Пока последний не будет не только разбит, но и разрушен и его новое возникновение не будет исключено раз и навсегда, мы будем вынуждены переживать периоды темных лет, вернее самых темных лет во всей человеческой истории.

* * *

За что мы боремся?

На предыдущих страницах ясно и убедительно показано, что на вопрос «За что мы боремся?» следует непременно дать ответ с позиций науки. Брошен вызов интеллектуальной бдительности, научной мысли и академической активности с целью решения острых вопросов дня. Наряду с другими недостатками, связанными с нашей неготовностью к войне, мы оказываемся неспособными мобилизоваться духовно. Несомненно, мы постоянно слышим такие лозунги: «Бороться за свободу!», «Борьба за демократию против рабства!», «Установить справедливость и благопристойность в мире!»... Но когда кто-то из нас поднимает свой голос в защиту таких ценностей как «свобода», «справедливость» и «демократия», он это делает с риском быть обвиненным в непростительном академическом грехе «ценностного суждения» или в «страдании по нравственным причинам».

Существует множество людей, которые отвергают ценностные суждения во имя законных прав академической бесполезности, лени и неуместности. Наилучшее лекарство в этом случае — это признание того, что надежный признак адекватности теории всегда нужно искать

¹ Malinowski B. Freedom and Civilization. NY, 1943.

в практической ее применимости. В данных условиях долг тех, кто изучает общество и человеческую культуру — это делать практические выводы, вплотную заняться концепциями и решениями, связанными с вопросами планирования, и увязать свои выводы с определенными предложениями по искусному управлению государственными делами.

Однако, несомненно, то, что окончательное решение в любом действии, коллективном или индивидуальном, содержит элемент, который невозможно объяснить лишь научной аргументацией. Медицина может убедить, что определенные виды диеты обязательны для всех, а другие — вредны. Окончательное же решение относительно того, предпочитаете ли вы объедаться жареным каплуном, выдержанном в бургундском вине и заработать язву желудка и артрит, либо придерживаться разумной диеты — остается лично за вами. Можно показать, что употребление морфия, кокаина и хронический алкоголизм могут превратиться в опасную привычку, но вы не можете доказать, что их употребление не стоит цены, которую вы платите — ухудшением здоровья и деморализацией.

Те, кто изучает человеческое поведение, могут продемонстрировать, что демократия, свобода и справедливость — важные факторы всех творческих и конструктивных процессов в культуре. Они могут доказать, что прогресс в делах экономики или науки, нравственности или искусства невозможен без истинной свободы. Они могут уточнить концепции, привести фактические доказательства, показать связь таких реалий, как свобода, демократия и прогресс — экономическую, интеллектуальную, духовную. После того, как все это будет сделано, возникают ценностные суждения. Кто-то может предпочесть разруху и массовое убийство — деятельности, творческой и конструктивной.

Новейшая история доказывает, что склонность к жестокости, грубости, к оскорблениям и ненависти существует в природе человека, ее можно усилить и таким путем задушить и разрушить христианскую этику, требование гуманного и справедливого отношения к людям и даже стремление к безопасности и процветанию. Окончательное же решение вопроса о том, что предпочтительнее: мир гитлеризма или «американский путь» либо «британский образ жизни» — зависит от индивида и от многих индивидов. Но выбор слишком часто делается с помощью агентов коллективной неразберихи, а не на основе научной ясности. Устранить неясность в понимании таких сложных проблем, как демократия, свобода, человеческая культура и человеческая приро-

да — задача современного гуманизма. Это самая безотлагательная задача, потому что мы сейчас оказались перед таким миром, в котором путаница в огромных масштабах была достигнута путем тщательно запланированной и хорошо реализованной кампании тоталитарной пропаганды.

Однако главной проблемой, по которой суждения американцев, британцев и других бойцов на стороне демократии будут подвергнуты испытанию, является проблема цены свободы. Одну вещь можно продемонстрировать научно: это большая зависимость всех демократических свобод, каждой свободы в отдельности и свободы в целом — от уничтожения путем коллективного насилия. Хроническая незащищенность, беспрестанное расстройство экономики и проповедь жестокости и принципа «прав сильнейший» — неизбежны в мире, одержимом войной. Но все это — прямая антитеза свободы. Цена, которая платится за нее, как известно — это институциональные изменения. Это означает отказ от национального самомнения, от самонадеянной опоры на собственный изолированный и славный суверенитет — короче говоря, это означает перенос обычных принципов закона, этики и сотрудничества в область международных отношений. И выбор здесь будет осуществляться между романтическими ценностями, то есть между сентиментальным призывом к национальной гордости и самодовольству, с одной стороны, и реальными интересами рядового человека, его семьи и всех людей в пределах наших национальных границ и за их пределами, с другой.

Мир, безопасность и международный закон, санкционированный коллективными полицейскими силами, подчиненными только исполнительной власти супергосударства — единственное культурное средство предотвратить рецидив тотальной войны. Цена, которую нужно заплатить за это — коллективный договор всех граждан каждой страны, большой или маленькой, слабой или сильной, пожертвовать частью суверенитета своей страны. Фактически — это малая цена за огромные преимущества. Преимущества эти — свобода от нужды и страха. Таковы условия, при которых инициатива, публичные и приватные высказывания, игра, искусство и независимость ассоциаций расцветут в культуре. Цена, которую надо заплатить — это пожертвовать коллективным самомнением.

Выбор свободы как ключевой концепции нашего анализа, вокруг которого он развивается — императивен. Свобода — это наиболее ди-

намичный, важный и всеобщий фактор в проблемах сегодняшнего дня. Демократия — это свобода в действии. Свобода совести — это суть религии, а религия — это ядро цивилизации. Отбросьте христианство, и религия превратится в нордический миф о превосходстве арийцев, в ритуал поклонения Гитлеру, в нацистскую этику господства. Изгоните бога с помощью антирелигиозной кампании, как в России, и вы будете поклоняться духу Маркса и его Евангелию в гробнице с набальзамированным телом Ленина. «Фашизм — это новая религия итальянского народа», — провозгласил Муссолини, который грациозно терпел христианство в своем народе, но для которого истинной религией была религия чернорубашечников.

Принцип самоопределения наций, групп и личностей может быть определен только путем уяснения того, насколько свобода коллективных решений должна быть соотнесена с правами меньшинств и с законными требованиями отдельных личностей. И опять же, справедливость, являющаяся духом законов — это балансирование и разделение демократических свобод. Безопасность — это свобода от страха; процветание — это свобода от нужды. Мы даже сможем приблизиться к определению такой ускользающей идеи, как стремление к счастью, и связать ее с нашим определением свободы на языке человеческих потребностей и способов их удовлетворения.

Свобода как ведущая сила культурного процесса бросает нам вызов и в теоретическом плане, потому что ее труднее всего определить. Философы и мыслители, политики, теологи и психологи, исследователи истории и моралисты используют это слово в чрезвычайно расширительном ряде значений. И это происходит в значительной степени из-за того, что слово «свобода» по очень понятным причинам обладает эмоциональной притягательностью и риторическим весом, что делает его применение очень удобным для использования как в страстном обращении, так и в нравственной проповеди, в политическом воззвании и в метафизическом споре. В пропаганде и в обращении к тому, что есть лучшего и что есть худшего в человеке, слово «свобода» используется с ложной претензией на то, будто это обращение основано на глубокой мудрости и даже на научной неоспоримости. Поскольку это слово используется и в научных и околонучных рассуждениях, оно ведет двойственное существование. Поэтому не следует сужать задачу научного прояснения того, к каким реалиям слово «свобода» может быть законно отнесено, а где оно оказывается за пределами этой законно-

сти, если иметь в виду семантическую законность. Например, мы не можем себе позволить, чтобы основная идея, которая управляет главным спором дня — из-за которой народы вступили в битву и из-за которой они должны будут заключить мир, и которая будет окончательно решать будущие судьбы человечества — чтобы эта идея оставалась расплывчатой, гибкой и нежизнеспособной до такой степени, чтобы позволить ей проституировать, будучи использованной как в аргументах, так и в контраргументах.

Свобода — это качество культурного процесса в целом, это такое качество, которое нельзя определить, ссылаясь на какой-нибудь специфический аспект этого процесса или даже на какую-нибудь отдельную часть ее фазы. Особенности политической, юридической или экономической свобод вносят некоторую путаницу и фактически невозможны просто потому, что политическая власть, экономическое давление и юридические ограничения не имеют никакого отношения к свободе. В рамках конкретной ситуации мы можем отличать вещи законные, когда, например, полицейский арестовывает кого-то за превышение скорости, за правонарушение или «нарушение общественного порядка». Но даже тогда, в реальном мире, в котором мы живем, важно знать, примет ли полицейский солидную взятку, и в этом случае экономические и юридические факторы переплетаются, или если арестованный — сенатор, лорд или высокий полицейский чин, даже, может быть, член гестапо, где политика попирает закон и делает экономику ненужной. Но если мы рассматриваем свободу, соотнеся ее с наличной человеческой культурой в целом, или соотнеся ее с культурным установлением определенного общества, мы сможем определить это понятие в его борьбе с окружающим миром, с другими людьми и даже с самой судьбой. Следовательно, если мы не будем считать свободу особым термином культуры, если мы не поймем, чем она является с помощью антропологического анализа, мы никогда не сможем установить действительные семантические критерии, чтобы отличать законное и незаконное употребление этого слова. Свобода — это символ, который выступает за возвышенный и могучий идеал. Однако тот же символ можно превратить в опасное оружие в руках врагов свободы.

Можно обосновать понятие свободы, ссылаясь на следующие три полностью связанных фазы или аспекта человеческой деятельности. Прежде всего, можно говорить о свободе совести, мысли или намерений; о свободе слова, печати и печатного слова. Все это можно назвать

свободой разработки цели — индивидуальной или социальной. Вторая фаза, относительно которой можно обосновать свободу — это человеческие действия. И, наконец, поскольку человеческие действия всегда целенаправленны и предвосхищают результаты, мы также обосновываем свободу, ссылаясь на эти результаты или продукты человеческих усилий. В этом смысле свобода тесно связана с процветанием, с эффективным политическим влиянием, то есть с демократией и такими фундаментальными правами человека, как право на неприкосновенность личности (*habeas corpus*), свобода вероисповедания и свобода получать доход от искусства, свобода отдыхать и право на все социальные удобства. Все это входит в определение данного понятия.

Свободу можно определять как условие, необходимое и достаточное для формирования цели, для ее превращения в эффективное действие с помощью организованных культурных средств и полное удовлетворение результатами такой деятельности. Поэтому понятие свободы может быть определено только в соотношении с другими людьми, организованными и наделенными культурными мотивами, инструментарием и ценностями, которые *ipso facto* подразумевают существование закона, экономической системы и политической организации — короче, культурной системы.

Наше определение свободы включает три связующих момента: цель, которая отражается в уставе института; средства, куда включен и человек, который работает, орудия, которые он использует, и правила, с помощью которых эта работа завершается; результат или эффект, достижение которых является функцией института. Основная природа свободы, понимаемая таким образом, является прагматичной. Свобода возникает тогда, когда деятельность как результат организованного поведения людей следует за человеческим выбором и планированием. Свобода определяется по результатам действия, как и по его предпосылкам. Индивидуальная свобода состоит из способности человека выбрать цель, найти пути ее достижения и пожинать плоды усилий и стараний. Те люди свободны, кто способен решать, что делать, куда идти или что строить. Все требования свободы останутся напрасными и бесполезными, пока планирование и целеполагание не будут воплощены в эффективное исполнение через хорошо спланированное и хорошо организованное поведение. Определяющее условие свободы следует искать в том способе, каким организовано общество, в тех способах, с помощью которых средства становятся доступными, в гарантиях, которые

охраняют вознаграждение планированного и целенаправленного действия и обеспечивают его справедливое распределение.

Любое определение только на основе выбора, на основе взвешивания и определения мотивов или на основе мысли — поднимает вопрос о том, можно ли эффективно воплотить в жизнь решение, каким бы продуманным, мудрым, справедливым и даже этичным оно ни было. Определения свободы на основе простых инструментов — механических, социальных или духовных — поднимают вопрос о цели и результате, поскольку свобода выбора средств находится в руках тех, кто этими средствами пользуется и контролирует их, индивидуально или коллективно, и зависит она от того, чьи цели достигаются с ее помощью, кто выигрывает от результатов и как эти результаты отражаются на других. Колдовство в примитивных культурах и пулемет в наших более развитых цивилизациях дают человеку свободу убивать. Этот пример показывает не только то, что наше определение — это всего лишь одно из необъятного количества определений, но и то, что оно всегда должно дополняться информацией, координирующей или связанной с результатами или целями действия. Определение свободы только на основе достигнутых результатов, достижения высокого уровня жизни, процветания и амбиций, опыта власти и стремления к счастью вообще поднимает серьезный вопрос, касающийся как результатов деятельности, так и средств их достижения. Свобода злоупотребления властью и паразитического пользования богатством в полной праздности подразумевает наличие средств эксплуатации, порабощения и подчинения других. Такой свободой, видимо, наиболее полно наслаждается г-н Шикльгруббер, немногие восточные деспоты и, вероятно, пара военных спекулянтов.

Поэтому мы настаиваем на важности выбора или на формировании целей, способов и средств достижения цели и использования результатов, достигнутых или контролируемых. Только в том случае, если свобода мысли или вдохновения воплощается в активную деятельность, она действительно имеет отношение к анализу организованного поведения, то есть к культуре. Свобода, которую мы должны понять, это мощная сила, которая подвигает людей к делам, которая обрекает их на муки и героизм, ввергает в пучину революций и мобилизует народы на войну. Поэтому мы настаиваем на том, чтобы рассматривать свободу только в ее отношении к действию, то есть к решению, кото-

рое при полном его осуществлении, становится реальностью поведения человека.

Ясно, что поскольку свобода действия означает наличие условий, достаточных и необходимых для владения всеми обстоятельствами при достижении цели, свобода означает власть. Но поскольку свобода также означает отсутствие ограничений, она предполагает наличие для каждого человека условия непопадания под власть других. Поэтому очевидно, что элемент власти, эффективности, способности преодоления трудностей следует рассматривать как необходимый при любом определении свободы. Без особого порядка — а порядок всегда подразумевает остаток власти, если не ее содержание — свобода означает анархию. Следовательно, подчинение законам, как и власти, усиливающей законы и правила, неизбежны в человеческом поведении. Равно очевидно и то, что реальная более или менее свобода зависит от ее законного применения или от злоупотребления властью. Когда работа или усилие по выполнению задания ложится на членов группы, а результаты мероприятия достаются только тем, кто стоит у власти в этой группе, мы имеем факт злоупотребления властью через разное распределение результатов труда, а это означает лишение свободы для тех, кто выполнил работу.

Из этого ясно, что нам необходимо осветить и природу правил, норм поведения и санкционированных законов, которые связывают кооперирующиеся группы, для установления разницы между диктатурой и демократией, иначе говоря, между культурой, основанной на произвольном использовании насилия, как ее основного принципа, и сообществом, в котором законы рождаются из спонтанных и взаимных соглашений, а иные правила необходимо принять просто потому, что это технические правила согласованного и инструментального поведения людей, как и законы, которые являются гарантией существования и проявления культуры. Мы можем также показать, что культуры отличаются степенью свободы, которую они могут дать людям, и мы увидим, что эта степень зависит от общей структуры культуры или, другими словами, мы будем называть ее уставом культуры. Культуры, сформированные для осуществления коллективного насилия, культуры, экономически основанные на рабстве, культуры, хронически или время от времени испытывающие кризисы, особенно военные — эти культуры имеют такой тип структуры, где свобода не процветает.

Наше определение свободы окажется более надежным, если мы осознаем, что культуру, примитивную или развитую, всегда можно разложить на составляющие ее институты, то есть системы организованных действий со своими уставами, коллективными намерениями, с организованным персоналом, с набором определенных правил, при этом каждая из систем обрабатывает определенную часть окружающей среды с помощью средств, определенных ее уставом. Некоторые разновидности таких институтов, как рабство, военная каста или строгая иерархия, как правило, бывают связаны с общим типом и структурой культуры; и в этих случаях строение культуры основывается на определенных ограничениях свободы для некоторых слоев общества. Анализ, который позволяет нам выявить наличие или отсутствие свободы в зависимости от типа культуры, поможет нам также понять, какие структурные элементы гарантируют свободу, а какие — ограничивают ее в рамках данного общества. Итак, свободу, определенную с учетом типа общества, можно реализовать в пределах этого общества при осуществлении целого ряда действий при наличии гарантий удовлетворения потребностей личности.

Истинная свобода — то есть свобода порядка, действия и достижений — вплетена в саму ткань человеческой жизни и жизни упорядоченных, организованных человеческих обществ. Эту реальность можно встретить в домашней жизни, в процессе обучения, при приобретении ценностей, при соблюдении справедливости, защите жизни и собственности, при поддержке развития науки, искусства, способов отдыха и типов религии. Во всем этом, как мы видим, свобода проявляется как дар культуры. Можно было бы сказать также, что культура — это дар свободы, потому что с самого начала рождения человечества именно свобода была предпосылкой проявления, сохранения и развития достижений культуры.

Перевод М.А. Султановой